

МЕТОД
ЖЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВ
КАЛИНИ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Мода на чужих мужей
Встретимся в другой жизни	Пока смерть не разлучит нас
Я – его алиби	Завтра не наступит никогда
Девушка с секретом	Пять минут между
Блудница поневоле	жизнью и смертью
Неплохо для покойника	Любовь окрыляет
Стервами не рождаются!	Единственная моя
Дожить до утра	С первого взгляда
Крестный папа	Второй подарок судьбы
Ничто не вечно под луной	Зеленые глаза викинга
Миллион причин умереть	Тайна, приносящая смерть
Рыжая-бесстыжая	Цвет мести – алый
Охотники до чужих денег	Не доставайся никому!
Мужей много не бывает	Чужая жена — потемки!
Ты у него одна	Возвращаться – плохая примета
Любитель сладких девочек	Врачебная тайна
Игры в личную жизнь	Призрак другой женщины
Черт из тихого омута	Тайну хранит звезда
Обмани меня красиво	Семь лепестков зла
Старая тайна, новый негодяй	Свидание на небесах
Миллионерша поневоле	Ведьма отмщения
Внимание: неверный муж!	Программа защиты любовниц
В любви брода нет	Кинжал в постели
Последняя ночь с принцем	Гнев влюбленной женщины
Осколки ледяной души	Лучший день в году
Счастье по собственному желанию	Нирвана для чудовища
Любвеобильный джекпот	Незнакомка с тысячью лиц
Длинная тень греха	Последнее прибежище негодяя
Личное дело соблазнительницы	Счастье с третьей попыткой
Большие проблемы	Подвенечный саван
маленькой блондинки	Заклятие счастья
Красотка печального образа	Торговка счастьем
Ночь с роскошной изменницей	Амур с оптической винтовкой
Окно в Париж для двоих	Мсть Спящей красавицы
Лицензия на happy end	Демон ревности
Черная корона	Преступно счастливая
Рыцарь чужой мечты	Изменница поневоле
Демон искушения	Закон сильной женщины
Грешница в шампанском	Без вины преступница
Принцип Отелло	Пленная птица счастья
Исполнительница темных желаний	Ничего личного, кроме боли
Жизнь нежна	Заговор обреченных
	Узнай меня

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ НЕГОДЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Последнее прибежище негодяя : [роман] / Галина Романова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-093915-2

Александра Воронцова просто не могла скрыть своих слез — мало того, что ее несправедливо обвинили в промышленном шпионаже на работе, чуть было не уволили, разругалась со своим парнем Сашей Горячевым, так теперь случилась самая страшная беда — умер любимый дедушка. А полиция обвиняет ее деда в убийстве его соседей Лопушиных на бытовой почве. И якобы после этого преступления дед сам и застрелился из своего трофейного наградного пистолета. Александра во все это поверить не может, не таким человеком был ее родственник, но никто ей не верит, рассчитывать приходится только на себя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093915-2

© Романова Г.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ШАВА 1

— Ну вот и засентябрило... — произнес кто-то в пустой серой комнате голосом ее покойной бабки.

По голому полу зачавкали подошвы ее резиновых тапок. Потом хрустнули пружины матраса ее деревянной кровати. Зашуршал накрахмаленный пододеяльник. Бабка улеглась в постель.

— Скоро раздождится, потом завьюжит, — не унималась бабка, ворча в подушку. — Холода... Грядут холода... Дед-то не переживет. Да и нечего ему там, с вами, нечего делать...

Одна из пружин под ее старым крупным телом взвизгнула особенно остро и противно. Потом еще и еще раз. Бабка будто нарочно решила извести ее, покачиваясь на скрипучей койке. Надо было прикрикнуть на нее. Иначе это никогда не закончится. Бабка всегда была вредной.

Саше пришлось открыть глаза.

Будильник! Конечно, это был будильник. Больше-то нечему было так противно ныть. Той старой скрипучей кровати давно уже не было. Как не было в живых и бабки. Она померла семь лет назад в январскую стужу.

— Даже помереть не могла как надо, — ворчал дед, отворачивая ото всех заплаканное несчастное

лицо. — Людям-то теперь как землю ковырять! Морозы-то какие! Эх, Лия, Лия. Не могла подождать до тепла? Вот вечно ты назло всем все делаешь...

Убедить деда в том, что на все воля Божья, что его жена Лия прожила много дольше, чем ей отводили врачи, никто не взялся. Он когда-то для себя решил, что Лийка должна его пережить, и все. А там вы как хотите. А что у его жены было очень больное сердце, изношенный никотином организм, израненная сиротством единственной внучки душа, что не могло подарить ей лишних лет, он как данность принимать не хотел.

— Она должна была меня отволочить в ящике, Сашка. Она... — горевал он потом долгих два года. — Что мне вот теперь, а? На стены тут выть?! Ты еще вот съезжаешь...

Саша протянула с дедом еще год после этого, потом все же съехала на квартиру, которую купила по соседству. Все следующие четыре года она дважды в день ему звонила, через день навещала. А воскресенье и вовсе проводила весь день с ним, все чаще за городом. И ничего, дед смирился. С годами повеселел, начал даже засматриваться на одиноких соседок. Но так, не по-серьезному, просто для общения, подчеркивал он.

— Лия хоть и была стервой... Матерой стервой, Сашка! Такие теперь не рождаются, — говорил он, и старое лицо его мгновенно превращалось в горестную маску. — Но заменить ее мне никто не сможет. Никто! Никогда! Скоро семь лет, как нет ее, а она мне почти каждую ночь снится. Тебе-то, Сашка, она хоть снится?..

Саше бабка никогда не снилась. И Саша за это

• Последнее прибежище негодяя •

была ей крайне признательна. С бабкой они не очень-то ладили. Та была придирой и ворчуньей. Вечно искала изъяны в Сашином воспитании, манерах и внешности. Хотя сама ее и воспитывала, прививала манеры и учила, как себя преподать. Противной она была. Не то что дед. Милый, мягкий, покладистый человек. Грешно признаваться, но Саша втайне радовалась, что первой ушла бабка. Случись по-другому, кто знает, как бы все сложилось. И она, если честно, уже стала забывать ее. Как она выглядит, как ходит, как говорит.

И вдруг этот сон! Первый за семь лет!

Бабкин голос. Ее поступь в отвратительных резиновых шлепанцах, звонко шлепающих по полу и пяткам. Скрип пружин ее кровати, хруст накрахмаленного постельного белья.

Что она говорила? Что-то говорила ведь точно. Что-то нехорошее, противное. Что-то про деда.

Завьюжит... Захолодает... Дед не переживет...

Ужас какой! Только не это! Только не теперь! Он ей сейчас так нужен! Особенно сейчас!

Саша сбросила с себя толстое одеяло, соскочила с кровати и, подойдя к окну, рванула шторы в разные стороны. Прильнула носом к стеклу, рассматривая улицу и стену дома, в котором жил ее дед.

Все было как всегда. Серая бетонная стена стояла на месте, не рухнула. Ровным рядом, нависая низкими ветками над бордюрным камнем, стояли притихшие от безветрия ивы. На подъездной дорожке к дому деда, как всегда, раскорячилась «Газель» Витьки Ломова — хозяина маленького дежурного магазинчика. Машину разгружали, в магазин таскали лотки с хлебом, упаковки с пряниками, печеньем, пакеты с макаронами. Значит,

сегодня четверг. Печенье с пряниками всегда привозили по четвергам. По вторникам и пятницам — молочку и колбасу. По понедельникам то, чего не хватило в выходные. Все по графику, все четко, размеренно. Дни недели можно было сверять по поставкам в ломовский магазин. Тошно, конечно, что он постоянно дорогу перекрывает. Но не скандалить же было с ним всякий раз из-за этого.

— Сашка, тебе от своего подъезда до подъезда деда — тридцать пять шагов, — возмущался Виктор, когда она пыталась его призвать к порядку. — Ты быстрее дойдешь, чем тачку со стоянки выгонишь.

Это, конечно, было правдой, дойти было быстрее. Но дело принципа, ведь так?

— Вся вот ты в бабку свою, противная, — ворчал он ей в спину, когда она все же заставляла переставить «Газель», угрожая ему штрафами. — Той тоже вечно все мешало!

Бабке при жизни и правда мешало все. Свет уличных фонарей мешал спать по ночам. Если фонари не горели, темнота сокрушала могильная. Мешали соседи: топали над головой, орали в подъезде, хлопали дверями. Мешала назойливая почтальонша, навязывающая пачки лаврового листа и упаковки молотого перца. Мешала подъездная уборщица, залившая лестницу водой. Мешал шум дождя и ветра. Мешала иногда и Саша со своей подростковой необузданной веселостью и чрезвычайно посерьезневшей юностью. Теперь вот получается, что ей помешал дед на этом свете. Она решила его призвать к себе до холодов.

Саша именно так поняла странный сон, первый и единственный с участием бабки за минувшие

• Последнее прибежище негодяя •

семь лет. И сделалось неуютно и холодно, хотя за окнами золотился солнцем сентябрь.

Начало сентября было тем временем года, в котором она чувствовала себя особенно комфортно. Солнце не палило, а грело. Ветер случался редко, а если и случался, то сыпал под ноги дождем золотой листвы, и ей это очень нравилось. Вечерами в пригородных поселках жгли костры, и она с удовольствием вдыхала осторожно наплывающий на город запах сожженной картофельной ботвы и сухостоя.

Она любила сентябрь всегда, но не сегодня. Сегодня, утром четверга, утром нерабочего четверга ей было противно и тошно. И из-за того, что у нее произошло на работе, откуда ее в срочном порядке выпроводили в отпуск. И из-за сна этого дурацкого.

— Дед? — Саша снова завалилась на кровать с телефонной трубкой — спешить было некуда. — Что делаешь?

— Здравствуй для начала, — отозвался тот ворчливо. — Как бабка твоя, Сашка! Та вечно ни здрасте, ни до свидания!

— Она приснилась мне сегодня, дед, — вдруг призналась Саша, рассматривая кусок яркого голубого неба в незашторенном окне.

— Да ну! — удивился он. Голос его дрогнул волнением. — И что было в твоём этом сне?

— Да ничего особенного. Ходила она по комнате, ворчала, — соврала Саша.

— А чего ворчала-то? — беспокойным голосом спросил дед. — Может, на нас на что-то обижается, Сашок, нет? Может, могилку надо поправить? Ничего такого не было?

— Да нет. Погода не нравилась, скоро, говорит, захлаждает.

Галина РОМАНОВА

— Да-а-а, холод она не любила, — дед вздохнул. — А потом взяла и в холод-то и померла. Ладно... У тебя там что с работой? Что думаешь после отпуска делать? Осталось-то две недели всего. Снова вернешься в эту... в этот...

Дед ругаться не любил и всегда подолгу подыскивал нужные слова.

— Дед, не знаю, — Саша вздохнула и зажмурилась. — Уйду, признаю поражение. Как бы согласусь, что это я виновата!

— Не уйдешь, тебя заставят признать это со временем. Тебе не дадут там жить, Сашка. — Дед рассердился: — Не надо, девочка. Не стоит оно того. Не стоит тратить жизнь, нервы на доказательства. И было бы из-за чего!

Правильнее, из-за кого, хотелось ей поправить деда. Но она промолчала.

— Весь этот сыр-бор выеденного яйца не стоит, девочка, — продолжил учить ее уму-разуму дед. — Проблема надуманная! История неприятная, конечно, но... Но не стоит это того, поверь. Не стоит распылять себя на это.

— Понятно, — слабым голосом проямлила она.

— Понятно ей! — прикрикнул дед. — Чего-то недоговариваешь? Что-то скрыла от меня тем вечером, так?

— Нет, — не совсем уверенно ответила Саша. — Все рассказала как было.

— Что пропавший диск с информацией, которую берегли от конкурентов, нашли в твоей сумочке, так? Что в твою причастность к краже почти никто не верит? Что почти все считают это инсценировкой? Как это принято сейчас у вас говорить — подставой. Все так было?

• Последнее прибежище негодяя •

— Так. Ладно, дед, я подумаю, может, после отпуска и не вернусь туда, — пообещала Саша: разговор надо было срочно сворачивать, пока она не расплакалась.

— Но что-то ты мне все же так и недоговорила, — вдруг сделал дед вывод. И после паузы, наполненной его задумчивым пыхтением, обронил: — Все дело в каком-то молодом человеке, так? Кого-то оплакивает твое бедное сердечко, Сашка, так?

— Дед, не начинай! — взмолилась она. — Давай, пока-пока. Завтра увидимся.

— А чего не сегодня? Знаю-знаю, завтра наш день. Но ты же в отпуске, Сашок. Чего не сегодня?

— Может, и забегу, — пообещала она, точно зная, что не пойдет сегодня к деду.

Если пойдет сегодня, дед точно вернется к этому разговору. И тогда точно вместе со слезами выудит из нее правду. А если она ему все расскажет, то это может иметь необратимые последствия. Дед тогда непременно, надев свой военный китель с наградами, пойдет с визитом к...

Тсс, не надо ворошить воспоминания. Не стоит даже думать о том, из-за кого она теперь так страдает. Не стоит...

ШАБА 2

— Собери всех!

Узловатый, с коротким некрасивым ногтем, палец Соседовой соскользнул с клавиши. Догадливая секретарша, поняв, что у Аллы Юрьевны опять нелады с новым аппаратом для внутренней связи, заглянула в кабинет:

— Алла Юрьевна, я правильно поняла, у нас совещание?

— Да, правильно!

Соседова неприязненно осмотрела ладную фигурку девушки. Та ухитрилась выглядеть на тысячу долларов в грошовом платишке и дешевых туфлях без каблуков. Она вот лично никогда так не выглядела. Даже в лучшие свои годы. Теперь не следовало и стараться. Теперь ей сорок девять. Закат! Закат бабьего века! А рассветать еще и не рассветало.

— Что еще?!

Соседова старательно выгнула левую бровь. Это была мимика крайнего неудовольствия, к этому подчиненные были приучены. Секретарша растворилась, успев пробормотать, что кофе будет готов через минуту.

Соседова всегда пила кофе перед совещанием. Варился полный кофейник на четыре чашки. Туда же сразу засыпался сахар и доливались четыре чайные ложки сливок, очень жирных, очень калорийных. Две чашки Алла Юрьевна выпивала до совещания. Одну в процессе. И последнюю уже после того, как за последним сотрудником закрывалась дверь. Таков был ритуал. Сегодня она ему немного изменит. Сегодня на совещание ей пить кофе не придется. Слишком напряженными будут сегодня дебаты. Сегодня она немного изменит правила игры. Она не станет говорить с каждым наедине. Сегодня она постарается столкнуть всех своих подчиненных лбами. Пускай они разгневаются, запсихуют, перестанут быть сдержанными, начнут орать. И вот тогда-то она — матерая бизнесменша, мудрая из мудрых женщина — точно сможет выловить из

• Последнее прибежище негодяя •

всего этого гневного, эмоционального ора нечто для себя полезное.

Она не позволит добить себя! Пусть бабьему веку ее закат вот-вот случится. Закатиться делу всей ее жизни она не позволит! Нет!

Через пару минут, не обманув, Соня внесла поднос с кофейником и крохотной кофейной чашкой. Не глядя на работодателя, пристроила поднос на край стола и, пятась, вышла из кабинета. Она снова угадала, что именно сейчас видеть ее Алле Юрьевне особенно неприятно. Угораздило же надеть утром новое платьишко и туфельки в тон!

Соня уселась на свое место за высокой стойкой. Задумчиво уставилась в монитор, разлинованный реестровой таблицей. И сильно вздрогнула, когда на клавиатуру легла кустовая розочка с белыми цветочками.

— Прекрасно выглядите, Софья, — гортанным голосом констатировал заместитель Соседовой — Геннадий Степанович Савельев. Невысокий несимпатичный мужичок хилого телосложения. — Так держать!

— Спасибо.

Соня кисло улыбнулась и невольно покосилась на дверь. Не хватало еще, чтобы Соседова захватила ее еще и с розой в руках. Шипеть потом будет неделю.

— Что там? — тут же настороженно вытянулся Савельев. — Все так серьезно?

— Будто бы да. А там кто знает! — трагическим шепотом ответила девушка.

— А повестка все та же? — Савельев нервно прошелся пятерней по светлым редким волосам.

— Конечно! Она больше ни о чем ни думать, ни

слышать не желает. Я сегодня случайно подслушала ее разговор с кем-то по телефону и...

— О, меня уже опередили!

Савельев и Соня вздрогнули. На пороге приемной стоял главный бухгалтер Заломов Василий Васильевич и с подозрением на них посматривал. Был он худ телом, но мощен духом. И еще подозрителен и весьма неприятен внешне, и наверное, именно поэтому его все боялись, а кто не боялся, все равно избегал. Как досталось от него бедной Саше Воронцовой! Соня до сих пор передергивалась, стоило вспомнить.

— А я-то тоже к вам, Соня, с розами. — Заломов противно хихикнул. — Тоже, знаете ли, эдакий подхалимаж. Тоже хочу знать, что за повестка дня. Никому же ничего... Все жам-жам!

На клавиатуру легла еще одна ветка кустовой белоснежной розы. «Может, они один букет разорили? — подумала Соня рассеянно. — Если сейчас кто-то еще явится точно с такой же веткой, то, значит, один букет на всех делили».

Больше цветов не было. Народ прибывал, теснясь в приемной. Вполголоса переговаривались. Обсуждали, догадывались, трусили. Многие хмурились, боясь, что гнев Соседовой ненароком коснется и их. Некоторые откровенно радовались, что гнева того избежать могут в силу непричастности. И совершенно не сочувствовали соседу. Некоторые настороженно молчали, рассматривая пол под ногами либо стены поверх чужих голов. К последним относился и Александр Горячев. Он как зашел, как встал слева от двери, подперев спиной стену, так не шевельнулся больше ни разу. Это Соня точно знала, потому что не спускала с него глаз. Потому

• Последнее прибежище негодяя •

что он ей очень-очень нравился. Она даже, дрянная, бесовская, тихонько радовалась, когда Сашу Воронцову погнали в отпуск из-за скандальной истории со злополучным диском. Слишком уж у них с Горячевым стремительно начал развиваться роман. Их любовная история семимильными шагами двигалась в направлении логического ее завершения в одном из отделов записи актов гражданского состояния.

— Они точно поженятся, — предполагали одни.

— Осенью точно, — шептались другие.

— Да он ей уже предложение сделал!

— Да ладно?!

— Точно, я знаю...

Соня страдала от всех этих разговоров, потому что Горячев ей очень-очень нравился. А Саша Воронцова — нет.

В новом аппарате внутренней связи скрипнуло, гроыхнуло, и неприятный голос Соседовой приказал всем войти в кабинет.

— Итак, господа! — Алла Юрьевна обвела всех тяжелым взглядом. Он казался особенно тяжелым из-за набрякших верхних и нижних век, а также от неумелого макияжа, а также по причине ее дурного норова и настроения. — У нас проблема...

Все затихли. Многие из присутствующих втянули головы в плечи и опустили глаза. Смотреть на «соседку», как за глаза они все называли начальницу, когда она пребывала в таком дурном расположении духа, было просто невыносимо.

— У нас завелась крыса, — продолжила Алла Юрьевна. — Все помнят историю с Воронцовой?

Как по команде, все головы качнулись вверх-вниз.